

Колдовские миры

Галины Гончаровой

УСТИНЬЯ
Возвращение

(Продолжение следует...)

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

УСТИНЬЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Иллюстрация на переплете
И. Круглова

Гончарова, Галина.
Г65 Устинья. Возвращение / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-210983-6

Кончена жизнь у государыни Устиньи Алексеевны. Сначала муж с ней развелся да в монастырь отправил, чтобы на иноземной девке жениться, а потом и вовсе в измене обвинил да к костру приговорил.

Кончена жизнь у юной волхвицы Вереи. По всей Россе стон идет — искореняют старую веру, вырубают священные рощи, уничтожают волхвов и волхвиц.

Казалось бы, что могут вместе сделать две женщины?

Может, и ничего, но ежели одна из них все отдаст, жизнь и смерть, силу сестер своих и посмертие, то вдруг сумеет другая колесо судьбы повернуть?

Вдруг сумеет исправить что-то в прошлом, чтобы век стояла Росса Великая?

Сумеет ли?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210983-6

© Гончарова Г.Д., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Пролог

ИЗ НЕНАПИСАННОГО ДНЕВНИКА
ЦАРИЦЫ УСТИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ СОКОЛОВОЙ

Завтра я умру.

Позади остались три дня моих мучений. Впереди еще одна ночь.

Самая длинная.

Самая долгая.

Самая страшная и черная ночь моей жизни.

Впрочем, черная она не просто так. Последнюю ночь я провожу в каменном мешке. Подвальное сырое помещение, в котором нет даже окошка. Каменный пол, охапка соломы... отсюда ушли даже крысы. Умные животные, понимают, что здесь им нет пищи, нет поживы. Эти узилища редко используются. И — ненадолго. Даже если простужусь, завтра все поправит костер.

Костер, да...

Наверное, это будет больно. Или нет?

Я не знаю. Я многое успела прочитать, многое узнала. Я знаю, что надо будет дышать дымом, чтобы скорее умереть. Но смогу ли я?

И будет ли это считаться грехом самоубийства?

Не знаю...

Ни лучика, ни звездочки. Чернота, которую скорее подчеркивает, чем рассеивает, слабое свечение в конце коридора. Там единственный охранник. Да и зачем больше?

Каменный мешок, тяжелая железная решетка...

Что я могу с ней сделать? А если бы и сделала, куда бежать?

Пустота и чернота вокруг, пустота и чернота в душе.
Ничего у меня нет, ничего не осталось.

Позади — суд.

Суд, на котором и судьей, и председателем, и присяжными сразу — всем является мой муж. Его величество, его императорское величество, император Россы. Уже не царь, как повелось от государя Сокола, уже император.

Кто осмелится сказать хоть слово против?

Кто рискнет опротестовать его решение?

Обвинитель — его самый близкий и лучший друг. Друг, который всю жизнь... да, вот уже больше двадцати лет меня и любит, и ненавидит. Сейчас уже, наверное, просто ненавидит.

Обвинение — измена императору.

Смешно.

Какая может быть измена, если он сам развелся со мной? Сам отослал в монастырь? Солдат прислал, чтобы те стояли под стенами, стерегли меня... даже смешно. Шесть лет уже я не государыня, а просто инокиня. Просто скромная сестра Устинья. Имя — единственное, что мне осталось. Упросила матушку при постриге оставить.

Не могу я от мирского отказаться или мир от меня не отказывается... имя — единственное, что у меня есть от той счастливой жизни.

Маменька меня Устенькой называла, когда ласкова была.

И — ОН.

Единственный раз в жизни... всего-то минута счастья и была, один поцелуй, а помнится. Как сейчас помнится. И серые глаза рядом с моими, и улыбка неверная, счастливая, и теплые губы на моих губах.

С мужем в постель ложилась — как не было ничего. Память даже не сохранила.

Темноту помню, боль, косы, локтем прижатые, и все. Спросит кто — и не отвечу, что было, как было... женщина замужняя.

А тут один поцелуй и случился за всю жизнь. И на века со мной остался. Гореть завтра буду — о нем думать.

Наверное, супруг бывший думает, что я с ума сошла, когда на суде улыбалась насмешливо. А что еще можно сделать? Смешно же.

И глупо...

Бедный Сёмушка, невинный мальчик, что уж там греха таить. Не было у нас с ним ничего и никогда. И на суде он о том кричал, и я поведала. А что толку? Кто бы нам поверил?

В монастырь он заходил?

Заходил, бывало. Как же ему проверять, здесь я или сбежала?

Со мной наедине оставался? Оставался. Минут на пять, может, на десять. Хватит ли этого для измены?

Не знаю. Может, и хватит. Только вот не было у нас с ним ничего, а умирал мальчик долго. Императорский приговор оказался суровым. Распятие на кресте.

Сёмушка умирал, а меня привезли, напротив посадили и смотреть заставили. Если глаза закрывала, его начинали плетью бить... лучше б меня.

И за что...

Просто за пару теплых слов, за улыбку, да на ярмарке торговцы теплее улыбаются, когда покупателей заманивают!

Три дня назад — суд. Два дня назад — его казнь. Завтра моя. Быстрое нонечка в России правосудие. А главное — слепое и глухое.

Кричи, не кричи...

— Не шуми.

Я дернулась, словно меня плетью ожгло.

— Что?! А...

Из-за поворота ко мне медленно приблизился огонек. Поднялась плошка с угольками, освещая лицо, которое я и на этом свете видеть не хотела, и на том... ежели в ад попаду, мне парсуну этого чело-

века напротив котла повесят. Тогда и варить не надо будет...

— Ты?!

— Я, Устиньушка. Я, душенька. Тепло ли тебе, сокровище? Радостно ли?

Зеленые глаза напротив. Ведьминские омыты, не иначе. По этим глазам не одна сенная девка слезами уливалась, а я... я этого человека всей душой ненавидела.

— Ты почто пришел, Михайла? Позлорадствовать? Ну так смотри, радуйся. Сколько осталось до рассвета? Часа тебе хватит?

Откуда и слова взялись? Едкие, острые...

Под зелеными глазами — черные круги. Словно его завтра сожгут, не меня.

— Жизни не хватило бы.

— Моей так и не хватит. Почто невинную душу загубил? Знаешь ведь, невиновен был Сёмушка.

— Невиновен? — В зеленых глазах мелькает страшное, темное, словно рыба-акула плавник из-под водной глади высунула. — Я бы его еще сто раз убил! За то, что виделся с тобой каждый день, разговаривал, до руки твоей касался... думал — забылось, перегорело, ан нет! Сто раз бы его убил! Двести!!!

Отшатываюсь от решетки, подношу руку к губам:

— За... это?!

Ответом мне кривая улыбка на полных губах.

— Государь наш, Фёдор Иванович, жениться желает. На принцессе Лембергской. А там условие поставили, они-де не дикири какие. Даже коли старая жена в монастыре, все одно жена она. Не свободен государь наш.

— А как же та девка, которую он после меня в палаты привел?

— Девка и есть. Случай такой вышел, яблочком она подавилась.

А яблочко то из сказки про мертвую царевну было. Не иначе.

— Тоже ты?

— А хоть бы и я, Устиньушка. Не заслуживала она ничего иного. Думаешь, не знаю, кто порчу наводил?

Я только головой качнула:

— Что сыночка я скинула — судьба такая. Да только ты первый рад был, что в монастыре я. Али не так, Михайла?

— Так. — Слово камнем падает в темноту, теряется где-то у носков расшитых золотой нитью щегольских сапог. — Так, Устиньушка. Если не мне, то и никому! Не мог я выносить... Федька, дурак малахольный, сокровище в грязь кидал, тебя не видел, на ложе после дешевой девки таскал. А ты все одно ему верна была. Почему? Почему, Устиньушка?! Я бы всю Россу к твоим ногам кинул, на руках носил, тени упасть не дал... ПОЧЕМУ?!

И столько боли в последнем слове...

Кто-то другой растрогался бы. А я — нет. Я глаза Сёмушки помню. И как мальчик за глотком воздуха тянулся. И... он ведь меня не винил, он передо мной винился. Знал, что и мне кары не избежать, с креста о прощении просил...

Что ж.

И я бью. Наотмашь.

— Потому что я ни его не любила, ни тебя. Тошно мне от вас обоих, гадко на душе. Завтра умирать буду с радостью — избавление с огнем придет!

Зеленые глаза вспыхивают болотными огнями.

— Ни меня, ни его... а кого, Устинья?! КОГО?!

Пожимаю плечами:

— Он уже ушел. И я завтра к нему пойду. Если Господь милостив, хоть увидеть его дозволит. Хоть раз бы еще...

Хоть из ада!

В любом котле счастлива буду, зная, что ОН — в раю. Лишь бы... каждую ночь снится, каждую... и подушка мокрая.

Лицо Михайлы искается такой гримасой, что я даже отшатываюсь.

— ТЫ!!!

Кажется, я спустила дьявола с цепи. Но мне не страшно. Я смотрю ему прямо в глаза и улыбаюсь.

— Я. И что? Сам меня убьешь? Сделай милость!

Михайла более-менее берет себя в руки и ухмыляется.

— Сам? Нет... но на костер ты завтра так просто не уйдешь.

— Неужели? Пытать будете?

— Нет.

Глухо падает на пол замок. Распахивается дверь, и Михайла шагает внутрь камеры. Я и забыла, что он меня на голову выше, забыла, что сильнее...

— Иди ко мне, Устиньюшка. Не упрямься. Может, и уйдешь ты завтра к другому, но с моими поцелуями на губах гореть будешь!

— НЕТ!!!

— Обо мне думать будешь... всю душу мне вымотала, ведьма рыжая... ненавижу, люблю...

Я отбиваюсь что есть сил, но справиться с ним не могу.

Мужчина намного сильнее, а сейчас еще и охвачен каким-то неистовством... хоть бы одежда другая, а то одна рубаха, под которой ничего нет.

Кричать не получается, Михайла накрывает мои губы своими, дыхание перехватывает, потом одна рука стискивает оба моих запястья, вторая ложится на горло, я чувствую спиной ледяной каменный пол — и приходит БОЛЬ.

Острая, резкая, словно кинжалом ударили.

Из глаз текут слезы, я даже не вслушиваюсь в шепот над ухом — как-то само получается...

— Всю жизнь... тебя одну... никого не видел... Устиньюшка...

И снова косы прижаты к полу. Отрезала бы, да завтра сами сгорят...

Когда все заканчивается, я даже не сразу это осознаю. Просто мужское тело рядом со мной становится ка-

менно тяжелым, потом откатывается в сторону, а меня, напротив, притягивают наверх.

— Устиньюшка... хочешь — выведу тебя отсюда? Найду, что Федьке сорвать, и кони за стеной ждут, и вожок! Только согласись! Мы еще молоды, ты мне и деток родить успеешь...

Это становится последней каплей.

Хватка на моих запястьях слабеет — и я что есть силы впиваюсь ногтями, куда попала. В грудь, полосую ее... жаль, сильно не вышло. Мне бы кошачьи когти, а не то что сейчас, под корень остриженное.

— Прочь поди, холоп ненадобный! Или ты думаешь, что, принудив, порадовал? Завтра гореть буду, о тебе и не вспомню! Ничтожеством ты был, им и подохнешь!

Михайла взлетает с пола:

— Ты!!!

Я улыбаюсь, почему-то чувствуя себя победительницей:

— Тело ты получил. И то силой, добром бы никогда не сбылось. А душу не тронь. Не любят таких, как ты. Не стоишь ты ни любви, ни презрения, ни памяти.

Ответом мне служит самое черное ругательство.

Михайла вылетает из камеры, звякает замок, а я начинаю смеяться. Зло, безудержно, до слез... пока шаги не стихают за поворотом.

Любовь!

Она и такая — любовь?

Смех сменяется слезами, потом отчаянием. Кажется, эта мразь мне рубаху порвала... что ж. Гореть за измену буду, так какая теперь разница?

А, никакой.

Жаль, даже если с костра правду прокричу, Федька мне не поверит.

А еще впервые мне жаль умирать.

Мне хочется мести. Хочется убивать, хочется отплатить за боль и отчаяние... за все эти годы никогда я такого гнева не испытывала. Горе было, отчаяние, безнадежность. Гнева не было.

А сейчас он есть. Такой горячий, что мне даже больно от него. Наверное, так и от огня будет...

— Как ты?!

Тихий голос вспарывает темноту. Я подпрыгиваю на полу:

— Ты... ты кто?!

В каменном мешке напротив вздыхают.

— Я — Верея, Волхвица.

И я вспоминаю:

— Ты... да, тебя привезли дней пять назад!

— Хотели еще тогда казнить. Не успели.

Я горько смеюсь в ответ:

— Уступи место царице, Верея. За мной пойдешь...

Фёдор от крови хмелеет, своего не упустит.

И получаю такой же смешок в ответ.

— Смотри, не он один тут одурел.

— Ты про Мишку? Вот шпынь негодный...

— Любит он тебя. Без ума и без памяти любит.

Я пожимаю плечами:

— По себе мой муженек слугу подбирал. Сам дрянь — и холоп пакостливый и подлый. Разве что вороват не в меру. А уж кого он полюбит, той хоть волком вой. Любовь... тыфу! Не любовь это, желание присвоить, обладать, а коли не получится, так уничтожить. Не мое — так и ничье.

Глаза вновь привыкли к темноте, и я вижу, как Верея приближается к решетке.

— Ты молоденькая совсем...

— Да. Мне семнадцать.

— Мне уже почти сорок.

— Я знаю, Устинья Алексеевна.

Развожу руками.

— Уж прости. Моя б воля — ушла бы ты из этой камеры на волю. Может, хоть последнее желание завтра дадут? Попрошу за тебя...

Верея смотрит серьезно и жестко:

— За меня?

— Почему нет? Больше мне просить не за кого. Семьи нет, детей богиня не дала, да и к лучшему оно. От свинины голуби не родятся...

Ненависть сидит внутри. Она горячая, она темная и болезненная. Но ненависть эта не к несчастной обреченной девчонке. Ненависть к тем, кто походя сломал мою жизнь.

Муж.

Михайла.

Отец и брат...

Могла бы — горло бы перегрызла... ненавижу, ненавижу, НЕНАВИЖУ-У-У-У-У!!! До воя, до крика, ненависть кипящей кислотой растекается по жилочкам, въедается чернотой под кожу, застилает глаза...

Веряя о чем-то сосредоточенно размышляет. А потом...

— Не знала бы я, Устинья Алексеевна, что ты царица, сказала бы — одна из нас. Есть в тебе Матушкин огонь. Неуж не чуяла?

Я пожимаю плечами:

— Нет. Должна была?

— Может, и не могла... если только сейчас раскрылось, — бормочет девчонка. А потом... потом ее глаза вспыхивают огнями. — Скажи, матушка-царица, а отомстить тебе не хочется?

Еще часом раньше я бы покачала головой.

Ничего не хочу. Только покоя. Только тишины...

А вот сейчас... когда болит все тело, когда валяется на полу разорванная рубаха, когда в камере нестерпимо воняет мужиком, до которого я б щипцами не дотронулась...

Месть?!

Что бы я отдала за месть?

И приходит понимание.

Все бы отдала. Все и еще немножечко, только вот отдавать некому.

— Хочется. Только что я могу сделать?

— Ты — ничего. И одна я ничего. А вот вместе...

— Вместе? В этом месте... в монастыре...

— А это и не важно. Это последние несколько десятилетий монастыри камерами стали, а до того иными были. Достанет тут нашей силы. Ты только согласись!

— На что?

Верея смотрит шальными глазами:

— Я, Устинья Алексеевна, не царица. И рядом не стояла. А вот ты... смогла бы ты все поменять, если на то воля Живы будет?

Я невольно задумываюсь:

— Все поменять?

— Дай руку, — отчеканивает Верея. И протягивает свою через прутья решетки.

Коридор узкий, мы соприкасаемся самыми кончиками пальцев. И на них начинает вдруг разгораться золотистое сияние.

— Не двигайся, — командует Верея. — Как на воле окажешься, найди любую волхву. В храм Живы сходи, она все объяснит. Я, последняя волхвица Живы, отдаю свою жизнь, смерть и посмертие! Матушкину силу отдаю, сестер силу отдаю, я последняя, я право имею! Отдаю для Устиньи Алексеевны! Пусть повернется КОЛЕСО!

Вспыхивает яркий золотой свет.

Я зажмуриваюсь, но даже сквозь зажмуренные веки вижу... или знаю...

Два тела сейчас осыпаются мелким черным пеплом.
Нас не сожгут завтра.

Мы уже умерли. Сегодня. Сейчас.
И это совсем не больно...

* * *

Чей-то голос словно сказочку рассказывает.

— Жила-была девочка. Умненькая и добрая. Матушку и сестер любила, батюшку и брата уважала и побаивалась. Хорошая такая девочка, правда, Устинья? Выбор

отцовский покорно приняла, мужу ни словом не перечила, свекрови подчинялась, сердце свое на части когтями рвала, а все ж через покорность ту преступить не смела. Два раза жизнь свою повернуть не насмелилась, в чужие руки выбор отдала, да и руки те недостойными оказались. Себя сгубила, других сгубила, твоя то вина! Твоя! Ты покорствовала, а другие зло творили, ты видела, а не препятствовала. Девочка всю себя отдала, силы Живы отдала, Искру богини отдала, всю себя для тебя сожгла. А ты... Что ты выберешь? Что сможешь? Ты сейчас на перепутье дорог, Устинья Алексеевна, тебе решать, тебе выбирать. Как сделаешь, так и будет. И больше шанса уж никто не даст.

Выбирай, Устиньушка. Выбирай...

Ненавистное имя хлещет, ровно кнутом. Устинья кричит, отчаянно и яростно — и черный огонь под сердцем вспыхивает. Вспыхивает, обжигает, выдергивает ее в реальность.